

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

выпуск
29 (92)

ИСТОРИЯ
И ФИЛОЛОГИЯ

Уважаемые читатели!
В связи с тем,
что „Палестинский сборник“,
вып. 29 был издан в 1984 г. в Горьком,
просим считать настоящий сборник
выпуском 29 (92) —
Редакционный совет РПО

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА“
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1987

Византийский Земледельческий закон. Текст, исследование, комментарий подготовили Е.Э. Липшиц, И.П. Медведев, Е.К. Пиотровская. Под редакцией И.П. Медведева. Л., 1984.

Земледельческий закон (*Νόμος γεωρικός*) представляет собой достаточно простое с юридической точки зрения сочинение, в котором трактуются сюжеты, связанные с повседневной сельской жизнью. Запечатленные в памятнике юридические нормы отражают сельскую практику. Здесь содержатся некоторые сведения о крестьянской общине, и эти данные заставляли большинство исследователей, занимавшихся Земледельческим законом, связывать его появление с переломным моментом в истории Византии. Особый интерес Земледельческий закон вызывал в русской науке: вопросы сельской общины в XIX в. приобрели необычайную актуальность, даже злободневность. Как бы ни трактовать Закон, он остается чрезвычайно важным, в некоторых частях уникальным источником для изучения социально-экономических отношений в Византии.

Первоначально Земледельческий закон был опубликован и вошел в научный обиход в своей поздней редакции, которая сопровождает обычно „Шестикинижие“ византийского юриста XIV в. Константина Арменопула. Между 1540 и 1851 гг. эта редакция издавалась несколько раз. В конце XIX в. такие исследователи, как К.Э. Сахарие фон Лингенталь, В.Г. Васильевский, А.С. Павлов, уже хорошо знали и раннюю редакцию. Отталкиваясь именно от этой редакции, они высказали ряд принципиальных суждений об общественном строе Византии. Рукопись, принадлежащая этой редакции, была впервые опубликована А.С. Павловым (1885 г.), попытку критического издания предпринял в 1898 г. К. Феррини, а в 1910 г. У. Эшбернер издал сводный текст памятника, основанный на чтении шести (частично еще одной) рукописей. Издание Эшбернера оказалось живучим. Лишь в 1984 г. появилось новое издание – то, которому посвящена настоящая рецензия.

При сравнительно небольшом объеме рецензируемая книга имеет сложную структуру и требует подробного описания. Книга состоит из двух частей: первая посвящена греческому оригиналу, вторая – его славяно-русскому изводу. После вступительных страниц редактора следует раздел, посвященный истории изучения памятника (с. 9–25), именно памятника, а не содержащихся в нем сведений по аграрной истории Византии. Из обзора явствует, что единой точки зрения на время, место, авторство, обстоятельства появления Земледельческого закона нет. Старые представления о связи памятника со славянской колонизацией, соответственно и распространением общинных отношений в византийской деревне должны быть, по-видимому, оставлены. И.П. Медведев приводит ряд существенных доводов в пользу южноитальянского происхождения, во всяком случае содержащиеся в Законе нормы считает вполне соответствующими аграрными отношения в византийской Южной Италии (с. 24–25).

Далее следует подробный анализ рукописной традиции памятника (с. 26–92). В настоящее время известно более 120 рукописей Земледельческого закона в его различных версиях. Старшая редакция представлена приблизительно 70 списками, из них около 60 оказались доступными И.П. Медведеву. Если учесть, что рукописи разбросаны по многим хранилищам, большей частью за рубежом, то использование столь значительного процента списков является само по себе достижением. Наличные списки распределяются по 9 группам, к которым присоединяется группа единичных, т.е. не поддающихся объединению по существенным признакам рукописей. Распределение списков по группам с характеристикой каждого из них составило, возможно, самую трудоемкую и сложную часть работы. Только проделав этот анализ, И.П. Медведев смог выбрать рукописи, которые легли в основу издания.

Основной текст воспроизводит рукопись Государственного Исторического музея (греч. 318) предположительно XI в. Рукопись содержит канонические труды, Земледельческий закон фигурирует в ней в качестве самостоятельного сочинения (в то время как в прочих рукописях он выступает как составная часть компиляции юридических сочинений того или иного состава). По мнению издателя, этот список отражает „древнейшую (по крайней мере из дошедших до нас) редакцию памятника, хотя мы располагаем и более ранними по времени списками“ (с. 41).

Список содержит полный текст памятника в 85 глав, свободен от интерполяций и других следов редактирования. „Возможно, здесь мы имеем в наиболее чистом виде текст старшей редакции Земледельческого закона. Создается во всяком случае возможность свести к минимуму вмешательство в текст памятника, исключив попытки его реконструкции и избежать тем самым субъективистского подхода“. Но такой метод можно оправдать, как нам кажется, лишь тем, что в данном случае нет возможности создать общую стемму, выявить архетип, рассматривая существующие редакции как его развитие.

Публикация текста сопровождается параллельным русским переводом, приводятся важнейшие разночтения по другим рукописям. Унифицирована орфография, внесены некоторые эмендации, но в целом это издание памятника по одному списку. Одновременно публикуются а) оглавление, взятое из рукописи Zaborda 121, конца XIII—начала XIV в. (описание на с. 32–33, текст с. 93–95), 85 заголовков; б) интерполяции, внесенные в текст, с определением источника (с. 129–136); в) южноитальянская редакция Земледельческого закона по рукописи Vaticanus gr. 845, XI в. (с. 179–183, описание с. 86–87). Лексика основного текста, а также итальянской редакции отражена в указателе греческих слов (с. 184–189).

Русский перевод Закона выполнен вполне корректно, можно указать лишь на некоторые, как нам кажется, отклонения от смысла:

Гл. 3. Трактуются случаи, когда земледельцы в присутствии свидетелей договариваются об обмене земли *εις τὸ διηνεκές*. Имеется в виду не „окончательная“ договоренность (как значится в переводе), а обмен навсегда: в гл. 5 четко противопоставляются обмен на время (*πρὸς καιρὸν*) и обмен навсегда (*εις τὸ διηνεκές*).

Гл. 13. Здесь рассматривается случай, когда земледелец берет у своего обедневшего собрата виноградник для обработки исполу. Если он „не подрежет его как должно, не окопает и не обнесет частоколом“, то лишится плодов (*οὐ κλαδεύσῃ αὐτὴν [sc. ἄμπελον] ὡς τὸ πρέπον σκάψῃτε καὶ χαρακώσας διασκάψῃ, μηδὲν ἐκ τῆς ἐπικαρπίας λαμβανέτω*). Требование об обнесении частоколом выглядит надуманным, совершенно не обязательно, чтобы в период аренды частокол был поврежден. Об ограде в Земледельческом законе говорится трижды, но всякий раз она обозначена словом *φραγμός*, возведение же ограды передано глаголом *φράσσω*. Представляется, что в данной фразе перечислены сезонные работы, которые предполагают обрезку кустов, копку или рыхление земли вокруг них, далее установление подпорок, тычин и снова копка. Действительно, *χαρακῶ* имеет и это значение, см. в словаре Лиддела и Скотта: II. *prop vines with stakes*. Для *διασκάψῃ* приводятся разночтения *διασκάψει*, *διασκαφήσας*.

В словарях удалось найти только *διασκάπτω*, но нет сомнения, что все эти глаголы относятся к копке или рыхлению, обозначают ту же операцию, что и непосредственно после обрезки. Византийская сельскохозяйственная энциклопедия „Геопоники“ предусматривает неоднократную копку, окучивание или рыхление (ср. в кн. III 3, 6 и 5, 6). Перечисленные в статье операции хорошо известны из современной практики.

Гл. 81. „Если кто-либо, живущий в селении, определит общее место как пригодное для сооружения мельницы и займет его и если затем после окончания сооружения селяне станут сообща обвинять хозяина мельницы, что он занял как свое общее место, пусть отдадут общинники весь причитающийся с них взнос на издержки по устройству и станут сотоварищами в раннее сделанном“. В целом перевод совершенно точен, но в тексте нет слова „общинники“, подлежащим для соответствующего места остается *οἱ τοῦ χωρίου* – „селяне“. Учитывая исключительную важность термина как такового, его употребление следовало оговорить особо.

Издание Земледельческого закона снабжено постатейным комментарием, подготовленным Е.Э. Липшиц. В известной мере комментарий вписывает Закон в византийскую сельскохозяйственную практику, но основное его назначение – увязать нормы Закона с предшествующим законодательством, охваченным весьма широко, и сопоставить их с нормами, зафиксированными в западных, так называемых варварских правах. Оба аспекта представляются чрезвычайно важными, выводы

Е.Э. Липшиц основаны на многолетней, ею же самой проделанной исследовательской работе в этом направлении.

Вторая часть работы посвящена славяно-русской версии Земледельческого закона (эта часть полностью подготовлена Е.К. Пиотровской). Известны две сербские версии и одна славяно-русская. Последняя сохранилась в составе компиляции „Книги законные, ими же годится всякое дело исправляти въсьм православнымъ княземъ”, в списках второй половины XV–XVIII вв. Все разделы этой компиляции восходят к памятникам византийского права. На с. 190–197 содержится подробный разбор работ, касающихся интересующего нас памятника. Далее (с. 198–232) Е.К. Пиотровская анализирует рукописную традицию, представленную 11 списками. Попемизируя с Я.Н. Шаповым, Е.К. Пиотровская утверждает, что нет оснований делить известные списки по их принадлежности старшей и младшей редакции. В действительности известна только одна редакция, но рукопись Кирилло-Белозерского монастыря № 9/1086 (последняя четверть XV в.) содержит ее специфическую переработку. В основу издания положена рукопись Государственного Исторического музея, собр. Уварова, № 264 (первая половина XV в.). Выбор сделан в пользу этой рукописи, поскольку она является древнейшей из сохранившихся, содержит полный текст и дошла до нас в исправном состоянии.

Многосторонний источниковедческий анализ приводит Е.К. Пиотровскую к выводу, что перевод „Книг законных” выполнен древнерусским книжником в промежуток между концом XI–началом XII в. Определен источник каждого из разделов компиляции, но один из существенных вопросов остается, за недостатком прямых данных, открытым. Действительно, на какой почве появилась компиляция? Переводил ли русский книжник с греческой рукописи, в которой материал был уже подобран, или сам осуществил выборку? В состав „Книг законных” входят „Законы земледельни от Установовыхъ книгъ”, восходящие к Земледельческому закону; „Законъ о казнѣхъ”; „Законъ о раздѣлении бракомъ”; „Главы о послуѣхъ”, три последних раздела извлечены из византийских юридических памятников VIII–IX вв., Эклоги и Прохирона. Копиляции предшествует предисловие, в котором перелагается заключительная часть предисловия к Эклоге (см. с. 191–192). Греческая рукопись такого или близкого состава неизвестна. Мысль о том, что компиляция обязана своим происхождением древнерусскому книжнику, напрашивается сама собой. Но это умозрительный вывод, и Е.К. Пиотровская с разумной осторожностью отказывается от окончательного мнения.

На с. 233–256 читатель найдет публикацию древнерусской версии Земледельческого закона в составе компиляции „Книги законные”, т.е. собственно саму компиляцию, с предисловием и с разделами, следующими за Земледельческим законом. Публикация осуществлена с приведением разночтений из всех известных рукописей предисловие и текст Земледельческого закона сопровождаются переводом на современный русский язык. В качестве приложения публикуется текст Закона в так наз. Ефросиньевской редакции – той, которая сохранилась в упомянутой выше рукописи Кирилло-Белозерского монастыря (с. 262–264). Краткий комментарий (с. 257–261) дополняет комментарий к греческой версии. На с. 265–269 помещен указатель слов древнерусской редакции.

В заключение мы должны подчеркнуть, что в данной книге изданы памятники первостепенной важности, а публикация осуществлена в соответствии с самыми строгими современными требованиями. Помимо названных, издание снабжено и другими указателями, среди которых особенно важен указатель юридических источников. Удалась книга и полиграфически.

Отметим, что рецензируемая книга содержит не только публикацию, но и исследование памятников. И здесь издатели проявили замечательное чувство меры. Не навязывая читателю собственное мнение в ущерб чужому, они смогли ввести его в круг основных проблем, связанных с изучением Земледельческого закона и его древнерусской версии. Не надо быть пророком, чтобы угадать, что книге суждена долгая жизнь.

Новое издание Земледельческого закона вновь заставляет задуматься о его характере. Анализируя заглавие, сохранившееся в рукописи Parisinus gr. 1367 г., Е.Э. Липшиц приходит к выводу, что „наиболее вероятным временем создания архетипа Земледельческого закона следует считать период между 533 и

572 гг.". Вместе с тем, продолжает исследовательница, общепризнанно, что „каким-то важным поворотным пунктом в истории Земледельческого закона (возможно, его официальное признание) было время издания Эклоги императорами Львом III и Константином V" в 726 г. (с. 138-141). Датировка же рукописей подсказывает, что Закон должен был существовать до IX-X вв.

Но эти суждения распространяются на время создания юридического памятника как такового. Содержащееся в нем право имеет очень давнее происхождение, в какой-то части оно смыкается даже с Моисеевым законодательством. Внутренняя критика не дает возможности привязать юридические нормы Закона к какой-либо определенной местности, ареал же упомянутых в нем сельскохозяйственных культур (например, винограда) очень широк. Но эта неопределенность носит объективный характер, зафиксированные здесь нормы отражают типические черты сельской жизни, характерные для многих обществ и действительно на протяжении столетий. Нет оснований сомневаться в адекватности этих норм сельской практике. Но не следует, по-видимому, и рассматривать их как новшества, появившиеся на определенном историческом отрезке времени. Сельскохозяйственная практика эволюционировала чрезвычайно медленно, и правила, запечатленные в Законе (в том числе и те, которые относятся к общинной организации), могли отражать не новшества, а давно устоявшиеся традиции.

К.Н. Юзбашян.

Е.Н. Мещерская. Легенда об Авгаре – раннесирийский литературный памятник (исторические корни в эволюции апокрифической легенды). М., 1984, 250 с.

„Мысль о том, что какой-нибудь греческий текст может зависеть от сирийского оригинала, никак не умещается в голове некоторых византинистов, они проявляют себя в этом отношении более греками, чем сами греки", – писал в свое время один из крупнейших исследователей восточнохристианских литератур П. Петерс.¹ Учитывая тенденции, проявляющиеся в работах последних десятилетий, можно считать, что большинство ученых уже свыклись с подобной мыслью. Значительную роль в этом деле, на наш взгляд, сыграли исследования советских сириологов Н.В. Пигулевской, А.В. Пайковой и др. Работа Е.Н. Мещерской, посвященная одному из замечательных памятников раннесирийской литературы, успешно продолжает эту линию, что четко сформулировано в следующем рассуждении автора: „На примере распространения легенды об Авгаре ясно видна тесная связь, которая продолжала существовать между Востоком и Западом в процессе складывания и развития всех видов раннехристианского искусства (и в частности, апокрифической литературы). Это было не одностороннее воздействие Востока на Запад или наоборот, выразившееся в заимствовании через перевод, но глубокое взаимодействие, когда полученный на Западе в результате перевода сюжет, обогащенный и видоизмененный, вновь возвращался на Восток" (с. 6).

Легенда о перепелке царя Авгара Уккамы с Иисусом Христом, о проповеди апостола Аддая (Фаддея) в Элессе, о чудесном исцелении царя от неизлечимой болезни, об обращении царского двора и населения города в христианство является одним из популярнейших сюжетов, бытовавших в средние века в христианских литературах византийского культурного круга. Легенда в своем наиболее древнем состоянии зафиксирована в двух основных источниках: „Церковная история" Евсевия Кесарийского; сирийский текст „Учения Аддая". Все остальные средневековые версии и редакции легенды, а также апотропеические тексты восходят к этим источникам.

Вторая половина XIX в. ознаменовалась в сириологии открытием и всесторонним изучением многих выдающихся произведений раннесирийской литературы, „Учение Аддая", содержащее наиболее полную версию легенды об Авгаре, относится к числу этих произведений. В 1864 г. В. Кьюртон напечатал пространные отрывки из сирийского текста „Учения", содержащиеся в двух рукописях Британского музея. В 1868 г. Л. Алишан издал армянскую версию этого памятника с параллельным французским переводом. В 1876 г. Д. Филлипс опубликовал полный